

ДЖОН КРОУ РЭНСОМ

*С английского **

Голубые девушки

Среди лужаек, в юбках голубых,
Под башнями в колледже вашем строгом, —
Вольно вам верить дряхлым педагогам,
Брюзжанью их.

Повязкой белой волосы убрав,
Не думайте о днях в их беглой смене,
Подобно птицам голубым, чье пенье
Не молкнет среди трав.

Цветите, голубейте в добрый час,
Но я — кричать хочу, забыв приличья:
Как мимолетна красота девичья,
Никто ее не спас!..

Есть женщина — ей холодно и в плече,
А речь ее отрывиста и зла,
И глаз голубизну застлала мгла,
А ведь еще недавно эта леди
Красивее любой из вас была.

Старый особняк

Словно лазутчик, тая под невинною миной
Взгляд чужака, я брел, любуясь тайком
Старым домом, царящим над далью туманной,
Воздух его застойный дразня табаком.

Здесь древность, после тошнотных шато над Луарой,
Светилась по-новому: это была красота
Не для дошлого доки, чьей эрудицией серой
Воспитанная публика по горло сыта.

* Джон Кроу Рэнсом — Стихи (*Перевод с английского П. Грушко*) // *Современная американская поэзия* (М.: Прогресс, 1975), 156–161.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2008.
<http://imwerden.de>

Здесь было одно из южных поместий: вдоль склонов
Ни аркад, ни башен, ни строгих защитных валов,
Достаток (но голуби вместо ленивых павлинов),
Обряды мрачные (вместо пышных балов).

И вправду, наверное, здесь же, в поместье,
Были надгробья, сюда катафалк привозил
Здесь ушедших. Казалось, ты на погосте,
Если б не жимолость, вьющаяся между стропил.

Надежность сквозила в прямизне его линий,
То скрытых деревьями, то проступавших вблизи,
Цвет кирпича был цветом долгих агоний.
Его недреманное сердце за зелеными жалюзи

Взывало: хотя я давно уже необитаем, —
Моим будуарам, удобным для человеческих чад,
Грешно пустовать, пугая прохожих застоєм,
Войди, человек, обнови мой старый уклад...

И с безрассудством того, кому судьба улыбалась,
Я бронзовым молотком попросил у дверей
Впустить меня и — как подаянье, как милость —
Дать каплю мудрости из его замшелых ларей.

Напрасно. Безмолвие отозвалось печальным
Биением сердца, но разве холодный отказ
Смирит археолога в его блужданиях по штольням,
Где даже тупик не отнимет надежды на лаз?

«Старая леди больна», — сказал мне худющий,
Закутанный, хмурый привратник, схожий, как брат,
С кривою служанкой и садовницей тощей,
Просившей покинуть господский готический сад.

Старое зданье неотвратимо ветшало. Щебенка
Газон погребет, как листва, на веки веков,
И летописца не встретит ни госпожа, ни служанка,
И антиквар не потрогает выщербленных черепков.

И я о себе подумал, увидев, как нежно
Перышком ветхим в истому полдня дымок
Вьется из трубки, — и, вздрогнув, вышел отважно
В мир, не менее зыбкий, чем этот мирок.

Джанет спозаранок

Как сладко спит Джанет!
Но в окнах день. Прищурившись спросонка,
Она смешного вспомнила цыпленка:
Наверно, встал чуть свет.

Целует нежно мать,
Чуть холодней отца, который хочет
Губами тронуть каждый завиточек,
И, братца позабыв поцеловать,

Кричит в окно «цып-цып!»
И, рассекая светлый мир, по лугу
Летит стрелою к другу.
Но друг ее погиб.

Одна из мрачных пчел,
На темечко присев, вонзила жало:
Кровь робкою росинкой задрожала,
Но пурпуром расцвел

Укус, и яд потек,
Застыв ленивым холодом под кожей.
Так пышно гребешок пунцовый ожил, —
Но умер петушок.

В траву упав, Джанет
Рыдает над цыпленком,
Ушедшим в край, откуда и девчонкам
Возврата нет.

И выплакавшись, молит в сотый раз,
Чтоб вызволили малыша, не зная,
Как глубоко лежит земля иная,
Где смерть сильнее нас.

Конрад в сумерках

Конрад, Конрад, что ж ты, старина,
По сырому саду бродишь дотемна?
Трешь напропалую озябшие колени,
Словно хочешь отогреть вешнее виденье —
Лес Арденнский в памяти пробудить от сна.

В старческом заливке невралгия ноет,
Булькает насосом Конрадова грудь,
По щиколотку ноги в листве и перегное —
Конрад, Конрад, об астме не забудь!

Толстые стены выведены ровно,
Не поленья у него в очаге, а бревна;
Теплые шлепанцы, трубка с табаком,
Поджаренные хлебцы, масло, вдосталь чая.
Жаль, спина у Конрада не совсем прямая,
И глумится осень над бедным стариком.

Осень в наших краях — до чего пустынна!
Не сыскать на земле ничего бедней
(Даже под землю, где вода и глина):
Как ботва намокшая, цвет у этих дней,
Что, дымя в камине, не согреет дома,
Как тряпье, истлевшее на сыром ветру;
Лица у людей — как блеклая солома,
Мокшая под ливнем, превшая в жару.

Канатные плясуны

Мечтая о ее молочной коже
И длинных пальцах, обмирал он в дрожи.
Один в толпе, он грезил, вспомнив гостью,
Ее нектаром и слоновой костью,

И тем, как обжигал манящий рот,
Пока слова, студены, как лед,
Из горделивой башни по спирали
Седыми голубями не слетали.

Как поле для любовной жатвы, — тело
Под дерзкой башней белизною млело,
Где лилии — сорви! — его просили, —
Щипли, терзай и мни, дай волю силе.

А взгляд молил: забудь слова мои,
Люби мои цветы, а не репы,
Но снова голубей слетала стая,
Кричали: «Честь!», кричали: «Честь!», летая.

Цепляли за плечо и докучали
Своей стерильной мудростью, кричали:
«Уйди, вовеки не бывать нам вместе,
Хвала разлуке!..» Это ль не бесчестье —

О чести и о нравственных канонах
Радеть среди воров, равно влюбленных?
Как слово «честь» ни кратко, а похоже
На меч холодный, раздвоивший ложе!..

Я видел их: они любили, раня
Друг друга пыткой противостоянья,
Над собственными чувствами глумясь,
Но помня все, не прерывали связь,

Как две звезды, две редкие болезни,
Самозатворники в совместной бездне,
Сходились близко, трепеща от пыла,
Но снова честь влюбленных разводила.

Им не спастись, подумал я в печали...
Но вспомнив о других, о тех, что пали,
Но не сдались, взвалив любовь на плечи,
Спросил я — что ты хочешь, человеке?

Продлить свой век? Но разве он длинней
Того, что за порогом наших дней?
Быть бестелесным ангелом в раю?
Бесчестить в преисподней плоть свою?

Но нет на небе брака, нет объятий,
Нет белой жаркой плоти для зачатий,
Там ткань мужская женственно нежна —
Душа пылает, кровь охлаждена.

Великие любовники на части
В аду друг друга рвут, рычат от страсти,
Насилуют и милуют друг друга,
Сходя с ума от вечного недуга.

А эти — на канате — в танце милом
Пылали, словно лед, обманным пылом.
И я, сойдя с небес, увековечу
На обелиске мысленном их встречу.

ЭПИТАФИЯ:

«Здесь акробаты спят: они сходились,
Но не сошлись. Глаза испепелились,
И превратились в прах земной уста.

В рискованной близости их красота».

Об авторах

РЭНСОМ, ДЖОН КРОУ (RANSOM, JOHN CROWE). Поэт, литературовед, автор книги «Новая критика» (*“The New Criticism”*, 1941). Род. в 1888 г. в Паласки, Теннесси. Выпускник университетов Вандербилта и Оксфордского. Профессор кафедры английской литературы в Кеньонском колледже в 1937—1958 гг. Лидер группы «Беглецы» в 20-е годы. Автор сборников «Стихи о Боге» (*“Poems About God”*, 1919), «Молитва после мяса» (*“Grace After Meat”*, 1924), «Озноб и лихорадка» (*“Chills and Fever”*, 1924), «Два джентльмена в оковах» (*“Two Gentlemen in Bonds”*, 1927), «Бог без грома» (*“God without Thunder”*, 1930), «Тело мира» (*“World’s Body”*, 1938). В 1951 г. Дж. К. Рэнсому присуждена премия Боллингена, в 1956 г. — премия Американской академии искусств и литературы.

Содержание

Перевод П. Грушко

Голубые девушки	156
Старый особняк	157
Джанет спозаранок	158
Конрад в сумерках	159
Канатные плясуны	160